
КОНТЕКСТ

М.Г. МИРОНИЮК*

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОРЯДКОВ И БЕСПОРЯДКОВ¹

Аннотация. Внимание к проблематике «порядка» в политической науке не является чем-то новым, как не является новым явлением «политический порядок» или «международный порядок». Рост этого внимания может означать то, что происходящее в какой-то сфере жизни отличается от привычной динамики. Являясь неотъемлемой частью языка политики и категорией социальных наук, включая политическую науку, «порядок» вообще, «политический порядок» и «международный порядок» в особенности обычно несут в себе нормативные и идеологические коннотации, отражают определенные ожидания и представления. В статье предлагается классификация подходов к международным порядкам, в том числе с минимальными нормативными и идеологическими коннотациями и потенциально имеющими большую аналитическую ценность (к их числу относится позиционный подход).

Признак существования международного порядка (мирового порядка) в реальной жизни – это предсказуемость и повторяемость действий тех, на кого распространяется порядок (вне зависимости от многообразия представлений о его параметрах и истоках). Утверждение международного порядка, который обычно квалифицируется как либеральный, связан с быстрым взлетом США в XIX – начале XX в. В течение тридцати лет после окончания холодной войны наблюдалось при-

* **Миронюк Михаил Григорьевич**, кандидат политических наук, доцент, доцент Департамента политики и управления Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: mmironyuk@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

мерно такое же быстрое усиление позиций Китая, что постепенно возвращает мир к ситуации конкуренции порядков, поддерживаемых сверхдержавами, имеющими и глобальные амбиции, и глобальный охват.

Ключевые слова: политический порядок; международный порядок; мировой порядок; беспорядок; сверхдержава; иерархия; власть; институт.

Для цитирования: Миронюк М.Г. Преемственность и изменчивость международных порядков и беспорядков // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 55–79. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.03>

Введение

Каждый из нас периодически оказывается в ситуации, когда приходится что-то «приводить в порядок», особенно если невозможно более «терпеть беспорядок», даже «творческий». Поэтому все мы время от времени «наводим порядок» на столах, в шкафах, в делах и т.п. и, затратив немало сил и времени, стараемся «поддерживать порядок». Правда, мы обычно не любим, когда нас заставляют «наводить порядок» или «подчиняться порядку», установленному без нашего согласия.

Почему большинство из нас испытывает страх или неприязнь к «беспорядку» и стремится к «порядку»?

Слово «порядок» в обыденной речи, особенно если применяется к привычным житейским ситуациям, имеет преимущественно положительные коннотации. Его аналоги в некоторых европейских языках, например, *лат.* *ordo*, *англ.* *order*¹, *нем.* *Ordnung*, *фр.* *ordre*, *исп.* *orden* и др., в этом отношении не отстают. Напротив, антоним «беспорядок» (*англ.* *disorder*, *нем.* *Störung*, *фр.* *désordre*, *исп.* *desorden* и др.) и его синонимы (например, более обыденный «непорядок», пугающий «хаос») сопровождаются негативными сопутствующими значениями. Если в первом случае подразумевается «ожидаемое, предсказуемое, правильно организованное состояние или расположение чего-либо»², то во втором –

¹ Примечательно, что английское слово «order» также означает «приказ», «распоряжение».

² Большой толковый словарь. – Режим доступа: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BE%D0%BA&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BE%D0%BA&mode=slovari&dicts[]=42) (дата посещения: 15.12.2023).

«отсутствие или нарушение порядка»¹, т.е. гармонии, «нормальности», предсказуемости (и в этом случае обнаруживается несоответствие «беспорядочного» положения вещей ожиданиям).

Внимание к проблематике «порядка» в политической науке, включая международные исследования, не является чем-то новым, как и изучение политического или международного порядка. Однако рост этого внимания может означать, что происходящее в какой-то сфере жизни выходит за рамки, отличается от обычной динамики, т.е. недостаток порядка и избыток беспорядка принимают вполне зримые очертания.

Данная статья строится вокруг двух тезисов и одной основной задачи. Первый тезис формулируется следующим образом: являясь неотъемлемой частью языка политики и категорией социальных наук, включая политическую науку, «порядок» вообще, «политический порядок» и «международный порядок» в особенности обычно несут в себе нормативные и (или) идеологические коннотации, отражают вполне определенные ожидания и представления. В данной связи ставится задача первичного упорядочения подходов к определению «международного порядка» как категории политической науки и определения подходов, которые могут иметь большую аналитическую ценность и относительно минимальные нормативную или идеологическую нагрузки. Если и задача, и первый тезис имеют отношение к теории, то второй тезис связан с практическими аспектами существования (становления и, вероятно, разрушения) порядка. Утверждение международного порядка, который обычно квалифицируется как либеральный, связан с быстрым ростом могущества США в XIX – начале XX в. За тридцать лет после окончания холодной войны наблюдался примерно такой же быстрый взлет Китая, что постепенно возвращает мир к ситуации конкуренции порядков, поддерживаемых сверхдержавами, имеющими и глобальные амбиции, и глобальный охват.

¹ Большой толковый словарь. – Режим доступа: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BE%D0%BA&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BE%D0%BA&mode=slovari&dicts[]=42) (дата посещения: 15.12.2023).

Что мы знаем: международные порядки в теории

«Порядок» – это и неотъемлемая часть языка политики, и категория социальных наук (особенно вместе с прилагательными «социальный», «политический», «международный» или «мировой», «либеральный» и т.п.). И в языке политики, и в академических текстах это понятие несет в себе нормативные и (или) идеологические коннотации, открыто (в первом случае) или относительно завуалированно (во втором) апеллирует к тому, как, в соответствии с какими принципами должна быть устроена жизнь общества (любого вообще или вполне конкретного), организована его политическая и экономическая сферы.

У категории «порядок» долгая история. Например, на страницах издаваемого с 1922 г. американского журнала *Foreign Affairs* слово «порядок» (*order*) в составе понятия «международный порядок» за более чем 100 лет встречается 6 925 раз¹. И если в 1922–1923 гг. данное выражение встречается 47 раз, то в 2022–2023 гг. – 608 раз. Показательно, что в статье Эдварда Хауса, дипломата и советника президента Вудро Вилсона, написанной в поддержку Лиги Наций и для обоснования активной роли США в мировых делах, хотя искомое словосочетание и не присутствует, но появляется призыв обеспечить «закон и порядок» (*law and order*) между государствами, по аналогии с верховенством права внутри государства [House, 1923, p. 4]. Искомое понятие, с вполне современными коннотациями, можно обнаружить в статье Уолтера Липпманна, критикующей изоляционизм и обсуждающей Закон о нейтралитете 1937 г. Существующий международный порядок Липпманн связал с длительным доминированием Великобритании на морях, с превосходством ее флота (а значит, общим военным превосходством) над остальными державами и существованием Британской империи как таковой. Для Липпманна главным было то, что долгое время за обеспечение порядка в международной системе отвечала именно Великобритания, которой управляют те, кто «верят в верховенство права и в правление с согласия управляемых» [Lippmann, 1937, p. 593].

¹ *Foreign Affairs*. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/search/international%20order> (accessed: 5.01.2024). Любопытно, что по запросу «*global order*» система поиска выдает 3915 результатов, а «*world order*» – 7 819 результатов.

Политические лидеры и высокопоставленные представители государств тоже не пренебрегают этим понятием. Хрестоматийный пример из недавней европейской истории – упоминание «великого Европейского Нового порядка» (die Neuordnung Europa) Адольфом Гитлером во время выступления¹ в Берлинском дворце спорта 30 января 1941 г., предусматривавшего переустройство Европы (и мира) в интересах (и частично – по образу) нацистской Германии. Впрочем, большую популярность понятие международного или мирового порядка в публичном дискурсе приобретает в связи с окончанием холодной войны. Например, президент США Джордж Буш в обращении к ООН 1 октября 1990 г. заявил о наступлении «нового мирового порядка» в связи с завершением холодной войны, который предполагает, что больше стран станут демократическими (здесь же содержался призыв к странам Центральной и Южной Америки выступить пионерами демократизации и создать демократическое полушарие), будет распространено международное сотрудничество и т.п.² Кондолиза Райс, Государственный секретарь США в 2005–2009 гг., рассуждая о международном порядке, указывала на альянсы с участием США в разных частях света как на его опоры, подчеркивала важность отношений со старыми и новыми демократиями, например с Индией, которая находится на пути к превращению в глобального игрока и является союзником в создании международного порядка, основанного на свободе и верховенстве права («демократического, безопасного и открытого») [Rice, 2008, p. 5]. Советник президента США по национальной безопасности Джейк Салливан утверждает, что в новых условиях взаимозависимости и транснациональных вызовов США нацелены на «победу в соревновании по формированию международного порядка, который будет свободным, открытым, процветающим и безопасным» [Sullivan, 2023, p. 21], хотя и ранее – после окончания холодной войны – страна стремилась «расширить основанный на правилах порядок во главе с США и создать образ-

¹ Speech by Chancellor Adolf Hitler at the Berlin Sports Palace. – 30 January. – 1941. – Mode of access: <https://archive.org/details/speech-by-chancellor-adolf-hitler-at-berlin-sports-palace-1941.01.30/mode/2up> (accessed: 16.12.2023).

² George H.W. Bush Address to the United Nations: October 1, 1990 // Miller Center. – Mode of access: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/october-1-1990-address-united-nations> (accessed: 15.12.2023).

цы сотрудничества по критическим вопросам», добившись успехов в распространении свободы, процветания и безопасности.

Подобных апологий, в том числе академических [Deudney, Ikenberry, 2018; Ikenberry, 2001; Ikenberry, 2011; Ikenberry, 2020; Mead, 2014; Nye, 2017], существующего мирового порядка, причем с дополнительной квалификацией «либеральный», множество. Однако если есть апологии такого порядка, то есть и его критика – как политическая¹ [Лавров, 2019; Лавров, 2023], так и академическая [Martin, 2022; Mearsheimer, 2018; Walt, 2018].

У «порядка» как категории социальных наук тоже долгая история. Социологов занимали проблемы «социального порядка» примерно с тех же пор, когда социология оформляется в качестве научной дисциплины², не говоря уже о предшественниках в социальной и политической философии. Впрочем, это утверждение верно и в отношении представителей политической науки. Поскольку люди являются и индивидами, и социальными существами, «для возникновения и поддержания социального порядка необходимо решить две отдельные проблемы. Люди должны быть способны координировать свои действия, и они должны сотрудничать для достижения общих целей» [Hechter, Horne, 2009, p. 1]. Человечество накопило богатый опыт применения разнообразных, в том числе радикально различающихся (в зависимости от нормативных и идеологических предпочтений), способов решения этих

¹ Например, министр иностранных дел Индии Субраманьям Джайшанкар, выступая на конференции «Диалог Райсина», обратил внимание на непоследовательность и избирательность применения правил в рамках «основанного на правилах международного порядка» главными апологетами порядка (особенно 8:48–15:09). – Mode of access: <https://youtu.be/UidrPczVkwU> (accessed: 6.01.2024). Более показательна статья с названием «Никто не хочет нынешний мировой порядок» с подзаголовком «Как все основные державы – даже США – стали ревизионистами» дипломата и бывшего советника премьер-министра Индии по национальной безопасности Шавшанкара Менона. Подробнее см.: Menon S. Nobody wants the current world order: how all the major powers – even the United States – became revisionists // *Foreign Affairs*. – 3 August. – 2022. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/world/nobody-wants-current-world-order> (accessed: 5.01.2024).

² Например, в 1902 г. Чарльз Кули опубликовал книгу «Человеческая природа и социальный порядок». К проблематике социального порядка в той или иной мере обращаются многие представители социологии, признанные классиками (при жизни и после), включая Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера, Толкотта Парсонса, Роберта Мертона и др.

проблем, а значит, и богатый опыт их осмысления, обоснования в качестве наилучших и легитимизации конкретных политических курсов для утверждения соответствующих порядков на практике. Однако этот опыт более разнообразен применительно к порядкам внутри политических сообществ (от предшественников территориального государства до современного территориального государства, особенно такой его разновидности, как нация-государство), чем к порядкам между ними. Конечно, международные порядки существовали и до Нового времени, но они не имели глобального охвата (до эпохи Великих географических открытий и создания европейцами колониальных империй на всех населенных континентах) и были ограниченными.

Между политическими порядками внутри государств и международными политическими порядками есть существенные различия: порядок, основанный на вестфальском нации-государстве, родившийся в Европе и постепенно распространившийся далеко за пределы Старого Света, «делает фундаментальное различие между внутренней политической сферой, характеризуемой институциональной плотностью, иерархическими отношениями, разделяемыми интересами и сильными коллективными идентичностями, и международной политической сферой, отличающейся отсутствием сильных институтов, меньшим числом правил, конфликтующими интересами и конфликтующими идентичностями» [March, Olsen, 1998, p. 944]. И хотя международный «политический порядок определяется в первую очередь в терминах договорных связей между автономными вовне и внутренне интегрированными суверенами» [March, Olsen, 1998, p. 945], во-первых, сферы внутренней и внешней политики весьма тесно связаны, во-вторых, эти сферы несвободны от конфликтов интересов (хотя эти интересы различаются по принадлежности, признанию, способам управления и разрешения), в-третьих, политическим порядкам вообще свойственны большая или меньшая степень упорядоченности, наличие сильной или слабой структуры. Иными словами, и те и другие порядки – это социальные порядки, им свойственны динамика, взлеты и падения (вплоть до разрушения), изменчивость и преемственность. Поэтому сравнительное изучение (или как минимум преодоление изоляции, параллелизма исследований) политических порядков внутри политических сообществ и между государствами не просто допустимо и корректно, а необходимо.

Одна из самых известных, в том числе по причине критики широко распространенных в то время представлений о модернизации, книг Сэмюэля Хантингтона¹ называется «Политический порядок в меняющихся обществах» (1968). Перу публичного интеллектуала, хотя и сохранившего связь с академическим сообществом Фрэнсиса Фукуямы, напрямую апеллирующего к работе Хантингтона, принадлежат две книги – «Истоки политического порядка» (2011) и «Политический порядок и политический упадок: от промышленной революции до глобализации демократии» (2014).

Удивительно, но в книге Хантингтона сложно найти однозначное определение категории «политический порядок». «Политический порядок» – это «желаемое, а не реальное состояние», т.е. отсутствие «насилия, нестабильности и беспорядка», это состояние, отличное от того, которое переживали многие модернизирующиеся страны после Второй мировой войны и которое характеризовалось «обострением этнических и классовых конфликтов, повторяющимися вспышками массовых беспорядков и насилия, частыми военными переворотами, нахождением у власти деспотических и неуравновешенных лидеров, часто проводивших разрушительную экономическую и социальную политику, широкомасштабной коррупцией среди государственных чиновников, нарушением прав и свобод граждан, неэффективностью бюрократии, всеобъемлющим взаимным отчуждением городских политических групп, падением авторитета законодательных и судебных органов и фрагментацией, а подчас и полной дезинтеграцией политических партий, имевших широкую общественную опору» [Хантингтон, 2004, с. 18, с. 21–22]. Политический порядок наблюдается в обществах с высокой степенью управляемости, «политическая жизнь которых характеризуется согласием, прочностью общественных связей, легитимностью, организованностью, эффективностью, стабильностью» [Хантингтон, 2004, с. 21]. Ослабление указанных атрибутов поряд-

¹ Показательно, что этот американский политолог и после смерти по-прежнему входит в число авторов, работы которых наиболее часто встречаются в программах учебных дисциплин для студентов-политологов во всем мире. Такое утверждение содержится на сайте некоммерческой организации Open Syllabus, которая собирает и анализирует программы учебных дисциплин, преподаваемых на английском языке в 140 странах мира. – Mode of access: <https://explorer.opensyllabus.org/results-list/authors?size=50&fields=Political%20Science> (accessed: 05.01.2024).

ка знаменуют собой политический упадок и в итоге полную потерю свободы, поскольку «свобода невозможна без порядка» [Хантингтон, 2004, с. 27], хотя порядок как раз возможен без свободы.

Масштабная попытка Фукуямы дополнить и адаптировать концептуальные построения Хантингтона к современным условиям внушает уважение, но в многостраничных книгах 2011 и 2014 гг. политический упадок снова представлен яснее и убедительнее, чем его противоположность – политический порядок. Политический порядок Фукуяма рассматривает через призму эффективных политических институтов – государства, верховенства закона и подотчетного правительства, причем «успешная современная либеральная демократия сочетает все три указанных института в устойчивом равновесии» [Фукуяма, 2015, с. 37]. Впрочем, даже в развитых демократиях, которые мыслятся в качестве образцового порядка, указанные институты могут конкурировать друг с другом, не взаимно усиливать, а подрывать друг друга [Fukuyama, 2014, p. 532–534], не говоря уже о том, что институты могут со временем становиться «дисфункциональными» (не успевая или будучи не в состоянии адаптироваться к изменившейся среде).

Вполне вероятно, что значительное влияние на «разработку концептуального аппарата, необходимого для исследования проблемы» [Баталов, 1995, с. 28] порядка на уровне выше или за пределами отдельного государства, внес британский исследователь Хедли Булл. В книге 1977 г. «Анархическое общество: Исследование порядка в мировой политике» Булл предложил ставшее хрестоматийным определение международного порядка, которое вдохновляет сторонников нормативного понимания¹ порядка [Hoffmann, 1995 a; Paul, Hall, 1999, p. 3]: «Под международным порядком я понимаю образец деятельности, которая поддерживает элементарные или первостепенные цели общества государств, или международное общество» [Bull, 1995, p. 8]. Булл свои рассуждения начинает с определения того, что такое порядок в общественной жизни, снова связывая его с основными или универсальными

¹ Этому способствует также признание самим Буллом порядка в качестве ценности (в том числе потому, что порядок делает возможным достижение любых других ценностей), а не только как желаемого или реального положения вещей в мировой политике [Bull, 1995, p. 74], хотя и с оговоркой, что порядок не должен иметь приоритет над, например, справедливостью во всех возможных ситуациях.

целями социальной жизни, которые состоят в том, чтобы в той или иной мере обезопасить жизнь от насилия, ведущего к смерти или причинению физического ущерба, гарантировать выполнение обещаний или соглашений между людьми, а также гарантировать ту или иную меру стабильности обладания собственностью [Bull, 1995, p. 4]. Государства утверждают внутренний и внешний суверенитет. В концептуальной схеме Булла существует и система государств, и общество государств: «Система государств, или международная система, формируется, когда два и более государств имеют достаточные контакты между собой и оказывают достаточное влияние на решения друг друга, чтобы это приводило к тому, что они ведут себя – хотя бы в какой-то мере – в качестве частей целого» [Bull, 1995, p. 9]. Международная система может не предполагать существование общества государств, но общество государств точно подразумевает международную систему: «Общество государств (или международное общество) существует, когда группа государств, осознающих некоторые общие интересы и общие ценности, создает общество в том смысле, что они осознают себя связанными общим набором правил в отношениях друг с другом и участвуют в работе общих институтов» [Bull, 1995, p. 11]. К числу общих («элементарных, первостепенных или универсальных») целей общества государств Булл относил (1) цель сохранения системы или общества государств, (2) цель поддержания внешнего суверенитета государств, (3) мир, а также (4) отмеченные выше цели социальной жизни (с поправкой на общество государств). За поддержание порядка в международном обществе отвечают общие интересы (в связке с основными или универсальными целями социальной жизни), правила поведения (для достижения упомянутых целей) и институты (такие, как баланс сил, международное право, война) [Bull, 1995, p. 71].

Любопытно, что Булл различал понятия «международный порядок» (international order) и «мировой порядок» (world order), которые сейчас нередко употребляются как синонимы, предложив понимать под последним «те образцы или склонности человеческой активности, которые поддерживают элементарные или первостепенные цели социальной жизни человеческого рода в целом» [Bull, 1995, p. 11], и в этом качестве «мировой порядок» в моральном отношении имеет приоритет перед «международным порядком».

Итак, «международный порядок» с прилагательными или без них – это прежде всего порядок, т.е. предсказуемость и регулярность поведения тех, на кого (на что) порядок распространяется [Tang, 2016], в отличие от беспорядка [McKeil, 2021]. Это минимальное определение неизбежно расширяется указанием на институты, правила и нормы (и их содержание), которые определяют конкретные варианты поведения в рамках порядка, хотя именно такое расширение зачастую приводит к нормативным коннотациям.

В данной связи можно зафиксировать первое принципиальное различие в подходах к определению международных порядков, связанное с пониманием роли и места институтов и институционализации вообще в отношениях участников международной системы. Здесь различаются порядки, опирающиеся на формальные институты, правила, нормы и т.п., и порядки, которые имеют иные основания обеспечения упорядоченности, например, инструменты государственного управления (statecraft) и управления международными делами [Goddard et al., 2019, p. 313]. К первым относятся институционализированные (конституционные) порядки, основанные на правилах [Ikenberry, 2001]. Ко вторым – системы (порядки) баланса сил [Schweller, 2001, p. 170]. Нет надежных оснований считать, что первые всегда более «сильные», «упорядоченные» и устойчивые, чем вторые, примером чего служит Европейский концерт в XIX в. [Jervis, 1985]. К тому же институты, правила и нормы не всегда могут останавливать нарушителей или исключать неприемлемое поведение [Hoffmann, 1995 b].

Второе различие в подходах к представлению о международных порядках связано с механизмом возникновения порядка. Порядок может быть основан на институтах, правилах, нормах, в том числе совместно согласованных и разделяемых участниками международной системы [Ikenberry, 2001, p. 24, 52]. Правила и нормы могут касаться совершенно разных аспектов, например, использования военной силы (вооруженных интервенций) [Finnemore, 2003], и даже того, кто или что являются легитимными (на том или ином основании) участниками порядка [Linklater, 1981] и т.п.

Напротив, возможны порядки, в основе которых то или иное распределение власти (силы, могущества – power) в международной системе, выражающееся в определенном положении участников в ней. Примеры таких порядков – «баланс сил» или гегемонии, предполагающие очевидное превосходство в могуществе с соот-

ветствующей иерархией участников [Gilpin, 1981]. Впрочем, властные позиции участников не определяются исключительно тем, как между ними распределены материальные ресурсы власти, поскольку власть может принимать разные формы и иметь источники, отличные от привычных (размера территории и экономики, численности армии и населения), такие, как неформальное влияние, навыки ведения переговоров и дипломатии, авторитет и престиж [Fordham, Asal, 2007]. В этом отношении особенно показательно исследование «международных иерархий неформального доминирования» (или «международных неофициальных иерархий»; буквальный перевод «международные порядки клевания» – international pecking orders) в многосторонней дипломатии [Pouliot, 2016].

Если речь идет о таком понимании порядка, то здесь уместна отсылка к структурному реализму Кеннета Уолтса, который предложил для понимания специфики и сравнения международных систем три показателя, известных как структурная триада Уолтса: (1) руководящие принципы (ordering principles, что буквально означает принципы упорядочения), (2) характер элементов системы и (3) распределение возможностей между элементами системы. В отличие от политических систем государств, международные политические системы являются децентрализованными и анархичными (в силу отсутствия мирового правительства), но их элементы находятся в отношениях координации и взаимозависимости («взаимной уязвимости»). И тем не менее порядок в системе возможен, он аналогичен порядку, возникающему на рынке совершенной конкуренции, создаваемому спонтанными действиями преследующих собственные интересы участников, но с поправкой на то, что в международной политической системе цель участника (в первую очередь – государства) – не увеличение прибыли, а выживание. В свою очередь «мотив выживания рассматривается скорее как основа поведения в мире, где безопасность государств не гарантирована, нежели как реальное описание стимула за каждым действием государства» [Waltz, 1979, p. 92]. Некоторые государства могут преследовать иные, нежели собственное выживание, цели, но это не изменяет общего характера системы, которая поощряет или наказывает за соблюдение или отклонение от принятых норм поведения. Хотя государства суверенны, они не независимы, поскольку подвергаются влиянию других государств и давлению со стороны системы, но вместе с тем они автономны, т.е. распола-

гают правом решать, как они будут действовать внутри и вовне: «Государства похожи в том, что касается задач, которые перед ними стоят, но различаются в возможностях их решения. Разница заключается не в функциях, а в возможностях... Национальная политика состоит из дифференцированных элементов, выполняющих специализированные функции. Международная политика состоит из сходных элементов, дублирующих действия друг друга» [Waltz, 1979, p. 97]. Изменения в распределении возможностей между элементами приводят к изменению структуры системы при сохранении руководящих принципов.

Отталкиваясь от триады Уолтса, Джек Доннелли расширяет позиционное понимание порядка за счет концепта «дифференциации», хорошо проработанного в социологии и антропологии, т.е. фактически использует идеи конструктивистов [Donnelly, 2009]. Дифференциация может быть вертикальной (иерархической) и выражаться в ранжировании позиций или статусов относительно других участников. Также дифференциация может быть горизонтальной, когда одна ранговая позиция может быть присуща участникам с разными моделями поведения (функциональная дифференциация), в таком случае речь идет о сегментации. В логике вертикальной дифференциации международные порядки могут быть безранговыми (автаркия), с ранжированием по одному измерению (одномерная иерархия – *single-hierarchy*) и с ранжированием по нескольким измерениям (гетерархия – *heterarchy*).

Позиционные представления о порядке и его истоках в той или иной мере апеллируют к реалистской метафоре государств как бильярдных шаров, автором которой считается Арнольд Уолфферс (хотя он как раз обращал внимание на то, что образ «мира бильярдных шаров» неприменим к реалиям сотрудничества в англоязычном мире или на Западе в его противостоянии с Востоком в условиях холодной войны [Wolfers, 1951]). Вероятно, более перспективным является иное использование позиционного подхода, а именно представление о международном порядке как о сети («сетевой мировой порядок»), причем с асимметричной сетевой структурой: «Более конкретно, государства, имеющие политическую власть над центральными узлами в международных сетевых структурах, посредством которых перемещаются деньги, товары и информация, обладают уникальной возможностью накладывать издержки на других» [Farrell, Newman, 2019, p. 45], т.е. такие госу-

дарства располагают возможностями заставить другие государства подчиняться себе, используя взаимозависимость как оружие (weaponized interdependence).

Третье различие в подходах к представлению о международных порядках связано с их охватом, как географическим – от ограниченного регионом [Lake, Morgan, 2010; Godehardt, Nabers, 2011; Kissinger, 2014; Thompson, Volgy, 2023] до глобального, так и отраслевым – от порядка, ограниченного каким-то одним измерением [Farrell, Newman, 2021], до порядка, охватывающего несколько измерений (или параллельно существующих порядков, например, охватывающих финансы, торговлю, политическое развитие, военную сферу / безопасность, окружающую среду и др., которые могут иметь несовпадающие логики и противоречить друг другу [Johnston, 2019, p. 24]).

Джон Миршаймер, определяя порядок как «организованную группу международных институтов, которые помогают управлять взаимодействиями между государствами-членами», а институты – как «правила, которые разработаны великими державами и которым они согласились следовать, потому что это в их же интересах» [Mearsheimer, 2019, p. 9], выделяет несколько разновидностей порядков. Во-первых, это собственно международные порядки (участниками являются все великие державы мира, в идеале – все государства вообще; создают возможности для сотрудничества) или ограниченные порядки (bounded; порождены и необходимы для соперничества великих держав друг с другом в области безопасности, а не для их сотрудничества, хотя внутри ограниченных порядков великие державы как раз прикладывают усилия для развития сотрудничества между своими союзниками). Во-вторых, при биполярности или многополярности возникают реалистские порядки, а при однополярности – агностические (если нет универсалистской идеологии) или идеологические (если у державы-гегемона универсалистская идеология, например, либерализм или коммунизм). В-третьих, существуют «толстые» (основаны на институтах, которые оказывают большое влияние на поведение государств и в экономической сфере, и в сфере (военной) безопасности) или «тонкие» (институты или не оказывают большого влияния на поведение государств, или это влияние ограничено одной сферой) порядки.

Признаки изменения международных порядков: такое уже было?

20 лет назад Барри Бузан, один из лидеров Копенгагенской школы исследований безопасности, допустил, что в мире не будет больше сверхдержав, хотя это был не самый надежный сценарий, но самая вероятная альтернатива по отношению к существующему порядку, главным атрибутом которого является статус США как единственной сверхдержавы [Buzan, 2004]. В 2010 г. он был более категоричен, утверждая, что мир сверхдержав уходит в прошлое, и это не самый плохой вариант развития событий, потому что, во-первых, мир сверхдержав основан на неравенстве распределения власти между Западом и всеми остальными, а во-вторых, грядет «глобализм без центра» (decentred globalism), который отличается более равномерным распределением власти при высоком уровне взаимозависимости и связанности (на контрасте с центр-периферийным структурированием мира, для которого был свойственен «глобализм с центром» – centred globalism), а также нет неизбежности повторения событий 1930-х годов, которые привели ко Второй мировой войне [Buzan, 2011].

Политические порядки вовсе не вечны, как бы ни хотелось их апологетам. На смену одного порядка приходит другой в результате драматических событий, например войны [Gilpin, 1981]. Или порядок претерпевает постепенные эволюционные изменения, в ходе которых его элементы (или участники) более или менее эффективно адаптируются к новым внешним и внутренним условиям. Устойчивый интерес к проблематике международного порядка в последние десятилетия может означать, что происходящее во всех сферах жизни, в том числе повседневной, выходит за рамки, отличается от обычной динамики. И здесь уместен небольшой экскурс в прошлое.

Для большинства жителей Западной Европы, которые родились на рубеже XVIII–XIX вв., жизненные перспективы при появлении на свет казались не самыми благоприятными. До 1815 г. значительная часть Старого Света была охвачена серией военных кампаний, известных как Наполеоновские войны (до 1803 г. – Французские революционные войны). Страны – участницы антифранцузских (точнее, антиреволюционных и антинаполеоновских) коалиций, с одной стороны, и Франция вместе с рядом государств-

сателлитов – с другой, потеряли в связи с боевыми действиями от 2 млн (и около 1 млн гражданских) до 5 млн человек¹. Однако появившиеся на свет в начале XIX в. и выжившие в период войн и эпидемий жители Западной Европы, их дети, внуки и правнуки вплоть до 1914 г. жили в условиях почти непрерывного мира между великими державами и почти постоянного экономического роста в Старом Свете, а также в некоторых регионах за пределами Европы (например, в Северной Америке).

С 1820 до 1913 г. экономики государств Западной Европы в совокупности выросли почти в 6 раз, что позволило им увеличить долю в мировом ВВП с 23 до 33% (соответственно при 12,8% (133 млн человек) и 14,6% (261 млн человек) от общей численности населения мира) – без учета их заморских колоний. Рост первого независимого государства в Новом Свете оказался даже более феноменальным: если в 1820 г. на США с населением около 10 млн человек (1% от общей численности населения мира) приходилось 1,8% мирового ВВП, то в 1913 г. – уже 18,9% (при 97,61 млн человек, или 5,4% от общей численности населения мира), что было обеспечено увеличением экономики более чем в 41 раз (при почти 10-кратном росте населения).

Здесь требуются два небольших и одно существенное уточнение. Выше дважды было использовано наречие «почти». Политическая история «долгого девятнадцатого века» (без той части, которая непосредственно связана с Французской революцией) в Старом Свете (как и в Северной Америке) далека от беспроблемной. Отсюда первое «почти»: хотя в этот период не было вооруженных конфликтов общеевропейского масштаба, Европа периодически сталкивалась с серьезными политическими кризисами, в том числе с Крымской (1853–1856) и Франко-прусской (1870–1871) войнами, «Весной народов» (1848–1849) и др. Второе «почти» связано с тем, что экономический рост сопровождался периодически экономическими кризисами, биржевыми паниками и т.п., не говоря уже о высокой человеческой цене европейской индустриализации и модернизации в целом. Существенное уточнение определяется тем, что приведенные выше и далее данные основаны на

¹ Matthew White. Statistics of wars, oppressions and atrocities of the nineteenth century (the 1800s). – Mode of access: <https://necrometrics.com/wars19c.htm> (accessed: 05.01.2024).

расчетах британского экономиста, специалиста в области количественной макроэкономической истории Ангуса Мэддисона [Madison, 2003].

Для большинства жителей Западной Европы и Северной Америки, которые родились на рубеже XIX–XX вв., жизненные перспективы при появлении на свет представлялись гораздо более светлыми, чем у их прапрабабушек и прапрадедушек. Однако уже подростками они застали Первую мировую войну и глобальную пандемию испанки, стихийные (например, Мессинское землетрясение 1908 г.) и техногенные (например, крушение лайнера «Титаник» в 1912 г. или Галифакский взрыв в 1917 г.) катастрофы, два десятилетия межвоенной политической и экономической нестабильности и еще более долгую и разрушительную Вторую мировую войну, за которой последовало глобальное противостояние военно-политических блоков во главе с двумя сверхдержавами с периодическим балансированием на грани уже последней во всех отношениях войны. На начальном этапе холодной войны на долю США приходилось 27,3%, а на долю СССР – 9,6% мирового ВВП при соответственно 6,0 и 7,1% от общей численности населения мира (1950).

Ожидания тридцатилетней давности немногим отличались от ожиданий начала XX в. Десятилетняя эйфория, вызванная распадом «социалистического лагеря» и окончанием холодной войны, грандиозными политическими изменениями, в том числе либерализацией и демократизацией, и экономическими реформами во многих странах мира, технологическими новациями, уступила место «глобальной войне с террором», и оказалось, что нестабильность в разных проявлениях – это настоящее и будущее не только традиционно нестабильных регионов «третьего мира», но и развитых государств, а экономическое процветание по-прежнему прерывается финансовыми и экономическими кризисами разной природы. Пандемия коронавируса SARS-CoV-2, происхождение которого даже спустя четыре года так и не установлено надежным образом, буквально остановила мир, продемонстрировав и несовершенство национальных систем общественного здравоохранения, и ограниченность возможностей международных организаций реагировать на общие вызовы и угрозы, и уязвимость цепей поставок в глобальной экономике. Хотя любые прямые аналогии страдают при игнорировании контекста, налицо неоправдавшиеся ожидания,

сродни обманутым надеждам европейцев в начале XX в. и тревожные признаки того, что мы являемся свидетелями наступления не «долгого», а «короткого» XXI века, если воспользоваться метафорой британского историка Эрика Хобсбаума.

Вне зависимости от оценки того, что происходило в последние три десятилетия, сложно не признать, что это весьма примечательное время. Уже полагаясь на более надежную международную статистику от Всемирного банка¹, необходимо отметить следующее. В 1990–2020 гг. ВВП мира в текущих долларах США увеличился в 3,7 раза (с 22 861 712 031 487,9 до 85 215 150 558 552,1 долларов США), хотя аналогичный показатель в постоянных долларах США увеличился в более скромных размерах – «всего» в 2,3 раза. Рост ВВП по паритету покупательной способности в текущих международных долларах даже более впечатляющий, показатель увеличился в 4,58 раза (или в 2,47 раза при использовании постоянных международных долларов).

Второе важное наблюдение: ВВП Китая в текущих долларах США увеличился в 40,7 раза (с 360 857 912 565,97 до 14 687 743 556 969,6 долларов США), хотя аналогичный показатель в постоянных международных долларах повысился не так заметно – «всего» в 14,22 раза. Рост ВВП по паритету покупательной способности в текущих международных долларах тоже впечатляющий, он увеличился в 21,8 раза (или в 14,2 раза при использовании постоянных международных долларов). Годовой прирост ВВП Китая с 1990 по 2020 г. составлял в среднем более 9% в год (при пиковых 14,23% в 2007 г.). Это крайне редкий случай в новейшей экономической истории, и даже экономики других стран Азии («тигры»), которые демонстрировали в прошлом быстрый рост, не увеличивались так быстро и такое продолжительное время.

Если в 1990 г. доля Китая в мировом ВВП в текущих долларах составляла 1,58% (с поправкой на ППС в текущих международных долларах – 3,79%), то в 2020 г. она взлетела до 17,2% (с поправкой на ППС в текущих международных долларах – 18%), приблизившись к доле США (24,71%, но с поправкой на ППС в текущих международных долларах – 15,64%; для сравнения: в 1990 г. – 26,08% и 20,26% соответственно).

¹ World Development Indicators // World Bank. – Mode of access: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 15.12.2023).

В 1990 г. на страны «Большой семерки», этого неформального клуба наиболее развитых государств и Запада, и мира, приходилось почти 65,67% ВВП мира в текущих долларах США (по ППС в текущих / постоянных международных долларах – 46,07 / 46,31%). Через 30 лет на «Большую семерку» приходится 45,61% ВВП мира в текущих долларах США (по ППС в текущих / постоянных международных долларах – 30,95 / 30,8%).

В 1990 г. на пять стран будущего БРИКС приходилось 7,94% ВВП мира в текущих долларах США (по ППС в текущих / постоянных международных долларах – 15,62 / 16,25%). Через 30 лет на страны БРИКС (до расширения 2024 г.) приходится уже 24,24% ВВП мира в текущих долларах США (по ППС в текущих / постоянных международных долларах – 30,99 / 31,01%).

Если в 1990 г. на Великобританию приходилось 4,77% мирового ВВП в текущих долларах (с поправкой на ППС в текущих международных долларах – 3,32%), а на Индию, ее бывшую колонию, только 1,4% (с поправкой на ППС в текущих международных долларах – 3,55%), то через 30 лет бывшая колония почти превзошла метрополию – 3,13% против 3,16% мирового ВВП в текущих долларах (с поправкой на ППС в текущих международных долларах – 6,75% против 2,27%), опередив и Италию (2,22%; для сравнения – доля в мировом ВВП в текущих долларах в 1990 г. составляла 5,15%), и Канаду (1,93%).

Заключение

96 лет назад почти все существовавшие в тот момент суверенные государства мира подписали Договор об отказе от войны в качестве орудия внешней политики¹, который также известен как Парижский пакт или Пакт Бриана – Келлога. Договор был нарушен рядом ключевых подписантов уже до начала Второй мировой

¹ No. 2137. General treaty for renunciation of war as an instrument of national policy. Signed at Paris, August 27, 1928 // League of Nations treaty series. Publication of treaties and international engagements registered with the Secretariat of the League of Nations, 1929, Vol. XCIV, N 1, 2, 3 and 4, P. 59. – Mode of access: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%2094/v94.pdf> (accessed: 15.01.2024).

войны, участниками которой стала большая часть государств, ранее подписавших Парижский пакт.

Хотя Договор об отказе от войны в качестве орудия внешней политики не остановил ни вооруженные конфликты межвоенного периода, ни войну, которой так опасались инициаторы его подписания, тем не менее он вдохновил создателей Устава ООН, в особенности в части параграфа 4 статьи 2. И снова повторилась знакомая ситуация: «За первые 44 года существования ООН государства-члены часто нарушали эти правила и использовали военную силу буквально сотни раз... Однако после окончания холодной войны усилилось стремление к созданию международной системы, управляемой верховенством права. В мире мало очевидного международного признания идеи о том, что баланс сил – это наилучший способ обеспечения безопасности или о том, что безопасность может быть наилучшим образом обеспечена одной сверхдержавой, пусть даже имеющей благие намерения»¹. Случаев менее очевидного нарушения суверенитета за эти же 44 года было еще больше. Но и после 2004 г. «стремление к созданию международной системы, управляемой верховенством права» не остановило упомянутые нарушения, и нет оснований считать, что их будет меньше.

Концептуальные, нормативные и идеологические дискуссии вокруг того, что обозначается категориями «политический порядок», «международный порядок», «мировой порядок» (и тому подобные порядки), хотя зачастую умножают сами себя, в той или иной мере все же способствуют развитию и публичного дискурса, и социальных наук, в том числе политической науки. Впрочем, когда в них начинают доминировать бескомпромиссные апологии, вплоть до грубой пропаганды, а критика и критики маргинализируются и «отменяются» и в публичном пространстве, и в академии, аналитическая ценность категорий снижается и большинство участников дискуссий превращаются в членов «клуба взаимного восхищения» (или не менее искренней «взаимной ненависти»).

Важнейший признак существования «международного порядка» – это предсказуемость и повторяемость действий тех, на

¹ A more secure world: our shared responsibility. Report of the high-level panel on threats, challenges and change // United Nations. – 2004. – P. 62. – Mode of access: https://www.un.org/peacebuilding/sites/www.un.org.peacebuilding/files/documents/hlp_more_secure_world.pdf (accessed: 25.01.2024).

кого распространяется порядок. Многообразие подходов к определению международного порядка связано с многообразием концептуальных, нормативных и идеологических предпочтений и политиков, и представителей академического сообщества. Вероятно, позиционный подход к определению международного порядка демонстрирует меньше нормативных и идеологических предпочтений, хотя и допускает существенные реалистские ограничения. Добавление институтов, норм и правил к определению порядка за счет внимания к нормативному аспекту позволяет понять, как именно обеспечивается предсказуемость и повторяемость действий и т.п., но позиционный подход тоже несвободен от недостатков.

Целостное понимание «порядка» и внутри государства, и между взаимодействующими государствами, может быть достигнуто за счет изучения противоположного состояния – «беспорядка», а также способности государств и межгосударственных образований, включая международные системы, ему сопротивляться – ключевым здесь является категория устойчивости (resilience).

Возможно, мы являемся свидетелями и участниками изменений в разных сферах жизни человечества, которые будут ретроспективно охарактеризованы как упадок старого и взлет нового мирового порядка или как радикальная трансформация какого-то (Вестфальского? созданного Западом? послевоенного? после холодной войны?) порядка. Вполне возможно, что и через тридцать или больше лет прилежные или небрежные соратники и однопартийцы, студенты и аспиранты сегодняшних участников упомянутых выше дискуссий будут использовать похожие аргументы и фиксировать похожие диагнозы порядков, созданных с участием людей.

M.G. Mironyuk*

Continuity and Change in International Orders and Disorders¹

Abstract. Attention to the problem of “order” in political science is not a surprise. Neither are the realities designated by the categories of “political order” or the “international order”. The growth of this attention may mean that what is happening in

* **Mironyuk Mikhail**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: mmironyuk@hse.ru

¹ The article was prepared within the consortium of MGIMO University and HSE University and funded by the grant for the implementation of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program.

some sphere of life differs from the usual, from previously observed dynamics. As an integral part of the language of politics as well as a category of social sciences, including the political science, “order” in general, “political order”, and “international order” in particular, usually carry strong normative and ideological connotations and reflect certain expectations and perceptions. This article proposes a classification of approaches to the category of international orders, including those with minimal normative and ideological connotations and thus potentially possessing greater analytical value (the positional approach is one of them).

The sign of the existence of an international order (world order) in real life is the predictability and repeatability of the actions of those who are subject to the order (regardless of the diversity of ideas about its parameters and origins). The establishment of an international order, which is usually qualified as liberal, is associated with the rapid rise (growth of power) of the USA in the 19th – early 20th centuries. In the thirty years following the end of the Cold War, there was a roughly similar rapid rise of China, which gradually returns the world to a situation of competitive orders maintained by superpowers with global ambitions and global reach.

Keywords: political order; international order; world order; disorder; superpower; hierarchy; power; institution.

For citation: Mironyuk M.G. Continuity and Change in International Orders and Disorders. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 55–79. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.03>

References

- Batalov Ye.Ya. “New world order”: to the methodology of analysis. *Polis. Political studies*. 2003, N 5, P. 25–37. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.05.04> (In Russ.)
- Bull H. *The Anarchical society: a study of order in world politics*. Houndmills; London: Macmillan press, 1995, 329 p.
- Buzan B. *The United States and the great powers: world politics in the twenty-first century*. Cambridge, UK: Polity press, 2004, 222 p.
- Buzan B. The inaugural Kenneth N. Waltz annual lecture A world order without superpowers: decentred globalism. *International relations*. 2011, Vol. 25, N 1, P. 3–25. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047117810396999>
- Deudney D., Ikenberry G.J. Liberal world: the resilient order. *Foreign affairs*. 2018, Vol. 97, N 4, P. 16–24.
- Donnelly J. Rethinking political structures: from ‘ordering principles’ to ‘vertical differentiation’ - and beyond. *International theory*. 2009, Vol. 1, N 1, P. 49–86. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1752971909000037>
- Farrell H., Newman A.L. Weaponized interdependence: how global economic networks shape state coercion. *International security*. 2019, Vol. 44, N 1, P. 42–79. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00351

- Farrell H., Newman A.L. The Janus face of the liberal international information order: when global institutions are self-undermining. *International organization*. 2021, Vol. 75, N 2, P. 333–358. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818320000302>
- Finnemore M. *The purpose of intervention: changing beliefs about the use of force*. Ithaca; London: Cornell university press, 2003, 173 p.
- Fordham B.O., Asal V. Billiard balls or snowflakes? Major power prestige and the international diffusion of institutions and practices. *International studies quarterly*. 2007, Vol. 51, N 1, P. 31–52. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2007.00438.x>
- Fukuyama F. *Political order and political decay: from the industrial revolution to the globalization of democracy*. New York: Farrar Straus Giroux, 2014, 658 p.
- Fukuyama F. *The origins of political order*. Moscow: AST publishing house, 2015, 688 p. (In Russ.)
- Galpin R. *War and change in world politics*. Cambridge: Cambridge university press, 1981, 272 p.
- Goddard S.E., MacDonald P.K., Nexon D.H. Repertoires of statecraft: instruments and logics of power politics. *International relations*. 2019, Vol. 33, N 2, 304–321. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047117819834625>
- Godehardt N., Nabers D. (eds). *Regional powers and regional orders*. London: Routledge, 2011, 272 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203815984>
- Hall J.A., Paul T.V. Introduction. In: Paul T.V., Hall J.A. (eds). *International order and the future of world politics*. Cambridge, UK: Cambridge university press, 1999, P. 1–15.
- Hechter M., Horne Ch. The problem of social order. In: Hechter M., Horne Ch. (eds.) *Theories of social order: a reader*. Stanford: Stanford university press, 2009, P. 1–5.
- Hoffmann S. Foreword: revisiting 'The Anarchical Society'. In: Bull H. (ed.). *The Anarchical society: a study of order in world politics*. Houndmills; London: Macmillan Press, 1995 a, P. vii–xii.
- Hoffmann S. The politics and ethics of military intervention. *Survival*. 1995 b, Vol. 37, N 4, P. 29–51.
- House E.V. The running sands. *Foreign affairs*. 1923, Vol. 1, N 4, P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.2307/20028248>
- Huntington S. *Political order in changing societies*. Moscow: Progress-Tradition, 2004, 480 p. (In Russ.)
- Ikenberry G.H. *After victory: institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars*. Princeton: Princeton university press, 2001, 293 p.
- Ikenberry G.H. *Liberal Leviathan: the origins, crisis, and transformation of the American world order*. Princeton; Oxford: Princeton university press, 2011, 372 p.
- Ikenberry G.J. *A world safe for democracy: liberal internationalism and the crises of global order*. New Heaven; London: Yale university press, 2020, 408 p.
- Jervis R. From balance to concert: a study of international security cooperation. *World politics*. 1985, Vol. 38, N 1, P. 58–79. DOI: <https://doi.org/10.2307/2010351>
- Johnston A.I. China in a world of orders: rethinking compliance and challenge in Beijing's international relations. *International security*. 2019, Vol. 44, N 2, P. 9–60. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00360
- Kissinger H. *World order: reflections on the character of nations and the course of history*. New York: Penguin press, 2014, 432 p.

- Lake D.A., Morgan P.M. (eds). *Regional orders: building security in a new world*. University Park, PA: Penn State Press, 2010, 406 p.
- Lavrov S.V. The world at a crossroads and a system of international relations for the future. *Russia in global affairs*. 2019, N 4, P. 8–18. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-4-8-18
- Lavrov, S.V., 2023. Genuine Multilateralism and Diplomacy vs the “Rules-Based Order”. *Russia in global affairs*. Vol. 21, N 3, P. 104–113. DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-3-104-113
- Linklater A. Men and citizens in international relations. *Review of international studies*. 1981, Vol. 7, N 1, P. 23–37. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0260210500115104>
- Lippmann W. Rough-Hew Them How We Will. *Foreign affairs*. 1937, Vol. 15, N 4, P. 587–594. DOI: <https://doi.org/10.2307/20028803>
- Maddison A. *The world economy: historical statistics*. Paris: Development Centre Studies, OECD Publishing, 2003, 275 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264104143-en>
- March J.G., Olsen J.P. The institutional dynamics of international political orders. *International organization*. 1998, Vol. 52, N 4, P. 943–969. DOI: <https://doi.org/10.1162/002081898550699>
- Martin J. *The meddlers: sovereignty, empire, and the birth of global economic governance*. Cambridge, MA: Harvard university press, 2022, 352 p.
- McKeil A. On the concept of international disorder. *International Relations*. 2021, Vol. 35, N 2, P. 197–215. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047117820922289>
- Mead W.R. The return of geopolitics: the revenge of the revisionist powers. *Foreign affairs*. 2014, Vol. 93, N 3, P. 69–79.
- Mearsheimer J.J. *The great delusion: liberal dreams and international realities*. New Heaven; London: Yale university press, 2018, 313 p.
- Mearsheimer J.J. Bound to fail: the rise and fall of the liberal international order. *International security*. 2019, Vol. 43, N 4, P. 7–50. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00342
- Nye J.S., Jr. Will the liberal order survive? The history of an idea. *Foreign affairs*. 2017, Vol. 96, N 1, P. 10–16.
- Pouliot V. *International pecking orders: the politics and practice of multilateral diplomacy*. New York: Cambridge university press, 2016, 340 p.
- Rice C. Rethinking the national interest: American realism for a new world. *Foreign affairs*. 2008, Vol. 87, N 4, P. 2–26.
- Schweller R.L. The problem of international order revisited: a review essay. *International security*. 2001, Vol. 26, N 1, P. 161–186. DOI: <https://doi.org/10.1162/016228801753212886>
- Sullivan J. The sources of American power: a foreign policy for a changed world. *Foreign affairs*. 2023, Vol. 102, N 6, P. 8–29.
- Tang S. Order: a conceptual analysis. *Chinese political science review*. 2016, Vol. 1, P. 30–46. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41111-016-0001-7>
- Thompson W.R., Volgy T.J. (eds). *Turmoil and order in regional international politics*. Singapore: Springer Singapore, 2023, 290 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-99-0557-7>
- Walt S.M. *The hell of good intentions: America's foreign policy elite and the decline of U.S. primacy*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018, 400 p.

- Waltz K.N. *Theory of international politics*. Reading, Mass.: Addison-Wesley Publishing Company, 1979, 251 P.
- Wolfers A. The pole of power and the pole of indifference. *World politics*. 1951, Vol. 4, N 1, P. 39–63. DOI: <https://doi.org/10.2307/2008900>

Литература на русском языке

- Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 5. – С. 25–37. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.05.04>
- Лавров С. Мир на перепутье и система международных отношений в будущем // Россия в глобальной политике. – 2019. – № 5. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnyh-otnoshenij-v-budushhem/> (дата посещения: 05.01.2024).
- Лавров С.В. Подлинная многосторонность и дипломатия против «порядка, основанного на правилах» // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 4. – С. 72–81. – DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-72-81
- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
- Фукуяма Ф. Государственный порядок. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 688 с.